

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ

*Наблюдаемы ли факты или нет, зависит
не от самих фактов, а от вашей теории.*

А. Эйнштейн

В современном языкознании не существует единого понимания термина *категория*. Сходясь на том, что категория является высшей грамматической абстракцией, ученые дают неодинаковые ответы на вопрос о том, следует ли признавать грамматические категории абсолютно универсальным явлением, свойственным человеческому языку вообще, или же в духе более старой традиции следует утверждать, что категории разных языков отличаются друг от друга и что отличия эти могут иметь принципиальный характер. Упомянутое несовпадение в понимании слова *категория* связано с тем, что большинство лингвистов видят в грамматической категории двухплановое явление, сочетающее в себе грамматическое значение и грамматические средства; другие же учитывают только (или хотя бы по преимуществу) грамматическое значение, считая грамматические средства явлением экстракатегориальным.

Представляется, что было бы весьма наивным и научно неоправданным ставить вопрос о том, какой подход является более правильным. Исходя из принципа дополнительности в научных исследованиях, можно утверждать, что оба подхода находятся в комплементарном отношении друг к другу и в зависимости от целей конкретного описания могут использоваться даже в разных работах одного и того же автора. Дело в том, что более генерализованный подход дает в результате сведения когнитивного характера, в то время как менее абстрактное рассмотрение категорий более удобно для дескрипций, ориентированных прежде всего на механизмы „работы“ языковой системы, на описание языка в действии. Поэтому в данном исследовании воспринимается вторая точка зрения.

В дальнейшем изложении на материале русского и болгарского языков будут представлены контрастивные наблюдения над некоторыми морфологическими категориями, а точнее – над определенными их аспектами. В работе, хотя и в более новом осмыслении и освещении, будут использованы отдельные опубликованные ранее данные (Димитрова 1983, 1988а, 1988б). Упомянутое новое осмысление предполагает некоторую внутреннюю полемику автора с самим собой, частичный отход от ряда утверждений, содержащихся в его более ранних работах.

Язык представляет собой единое общечеловеческое явление. Он подчиняется общим для него законам эволюции. Но эти законы реализуются в отдельных конкретных языках, которые выступают в виде звеньев общей системы,

т.е. в качестве конкретных реализаторов данного языка (Кошевая, Дубовский 1980: 4).

Сравнение двух языков признается современной лингвистикой плодотворным при наличии хотя бы одного сходного момента в их структуре. Следовательно, признание этого факта является основной теоретической предпосылкой, на которой строится сопоставительное изучение морфологических категорий русского и болгарского языков. Чистота анализа требует выяснения исходных положений работы. Они сводятся к следующему:

1. Вслед за В. В. Виноградовым морфология понимается как грамматическое учение о слове (основные морфологические труды В.В. Виноградова – Виноградов 1938, 1947, 1972, имеют подзаголовок *Грамматическое учение о слове*).

2. Сопоставительное изучение двух языков на любом уровне, в том числе и на морфологическом, может быть конфронтативным или контрастивным. В первом случае система одного языка как бы „пропускается“ через систему другого языка и описывается на ее фоне. Во втором случае описание направлено на выяснение фактов, показывающих дифференциацию между исследуемыми языками. По-видимому, трудно сделать описание только конфронтативным или только контрастивным. Но в зависимости от целей и задач, стоящих перед исследователем, могут преобладать элементы конфронтации или же элементы контрастивного характера. В данном исследовании будут преобладать контрастивные наблюдения. Это представляется более целесообразным, когда описываются генетически родственные языки, сильно отличающиеся друг от друга с точки зрения структурной типологии. Русский язык является по преимуществу языком синтетическим, а болгарский – аналитическим. Даже однотипные явления в обоих языках (остаточные синтетические явления в зоне имени в болгарском языке, тенденция русского языка к аналитизму в определенных звеньях системы, факты агглютинации в обоих языках и т.д.) не совпадают ни в качественном, ни в количественном отношении и тоже могут изучаться контрастивно.

3. Конфронтативное описание языков представляется более интересным с чисто теоретической точки зрения. Контрастивное описание имеет более широкий выход в прикладную лингвистику. Это, конечно, не означает, что оно не имеет теоретического значения, наоборот, порой именно на базе контрастивного описания удастся внести определенные коррективы в существующие уже теоретические типологические схемы, а также уточнить сущность и объем сопоставляемых языковых фактов.

4. При сопоставлении русского и болгарского языков в морфологическом плане возникает вопрос об уточнении сущности исследуемых категорий, т.е. ответить на вопрос, является ли одна и та же одинаково терминологически обозначаемая категория морфологической в обоих языках и на базе каких критериев можно доказать ее морфологический или неморфологический характер.

5. Уточнение характера категорий производится на базе строго определенного понимания синтетизма и аналитизма. В работе учитывается лишь внешняя форма грамматического выражения, т.е. синтетизм и аналитизм определяются по схеме В. Г. Гака (Гак 1977: 86) в зависимости от двух аспектов:

а) выражения грамматического значения в слове или вне слова – в предложении;

б) слитного или членимого характера грамматической формы.

6. Морфологические категории рассматриваются как категории, связанные с изменениями, происходящими в пределах слова. Поскольку в работе полностью разделяется понимание синтетизма и аналитизма В. Г. Гаком, их определение будет дано в его формулировке:

Способы выражения грамматических значений, ограничивающихся пределами слова, относятся к синтетическим; способы, проявляющиеся вне слова, относятся к аналитическим (Гак 1977: 87). Вследствие асимметрии языкового знака компоненты грамматической формы могут принимать внешнюю форму словосочетания (они могут отделяться друг от друга, иными словами, перемещаться и т.п.). Такую членимую грамматическую форму слова по традиции называют аналитической. В аналитической форме грамматическое значение может быть также выражено с помощью агглютинации, добавления отделимой морфемы (...) или флексии (Гак 1977: 89).

7. Некоторые идеи проведения сопоставлений в данном исследовании были подсказаны автору уже имеющимися сопоставительными работами, в которых проводятся параллели между русским языком и рядом других языков (не болгарским!), а также исследованиями по лингвистической типологии. Все они даны списком в конце работы.

8. Исследование современного соотношения категорий родственных языков резко увеличивает возможности реконструкции более ранних этапов их развития и взаимодействия. Взаимодействие русского и болгарского языков на более ранних этапах и особенно в период первого и второго болгарского (в иной терминологии южнославянского) влияния на русский язык является одной из актуальных лингвистических проблем современной русистики, болгаристики и славистики в целом. Для ее правильного и корректного решения нужны не только экскурсы в прошлое, но также детальное сопоставительное изучение современного состояния сравниваемых языков при учете лингвистического и экстралингвистического аспектов их функционирования, например, их контакты с разными в типологическом отношении языками.

9. Недостаточным представляется изучение современного состояния русского и болгарского языков в рамках формальных (по выражению Э. Сепира „чисто технических“) типологических схем. Здесь требуются углубленные исследования, базирующиеся на стабильных холистических принципах, в том числе на принципах контенсивной типологии, науки, ориентированной на содержание языковых форм. Контенсивная типология не ограничивается фрагментарным описанием изолированных лингвистических феноменов, ее объектом являются целостные языковые типы. Благодаря этому она получает значительно бóльшую объяснительную силу, чем все остальные виды типологий.

10. С точки зрения контенсивной типологии как русский, так и болгарский языки относятся к языкам инактивным, т.е. к языкам, структурные компоненты которых направлены на передачу субъектно-объектных отношений (подробнее о языках активного и инактивного строя см. в Климов 1977). Таким образом, эти два языка, которые в нашем сознании являются представителями двух разных типов – аналитизма и синтетизма, на более высоком уровне абстракции, т.е. при учете основной ориентации их структурных компонентов, оказываются однотипными – инактивными. Дихотомия, существующая на структурно-типологическом уровне, нейтрализуется на контенсивно-типологическом уровне.

Поэтому при сопоставлении русского языка с болгарским в каждый момент исследования нужно иметь строго определенную точку отсчета, не сбиваться с одного уровня на другой, ибо это означало бы отказ от одной теории и переход к другой.

11. В данном исследовании наблюдения проводятся с точки зрения структурно-типологического подхода. Это продиктовано целью работы – выявить некоторые контрастивные, а не унифицирующие характеристики исследуемых языков. К тому же представляется, что структурно-типологическое описание русского и болгарского языков должно предшествовать их контентивно-типологическому описанию. В то же время структурно-типологическое описание представляется теперь невозможным без учета некоторых получивших уже известность констатаций контентивно-типологического описания. Так например, учитывая основную ориентацию структурных элементов обоих языков (на выражение субъектно-объектных отношений), следует при разработке вопроса о морфологических категориях неоднократно обращаться к критериям синтаксического плана. Совокупность функций любой морфологической категории раскрывается полностью только при синтаксическом описании тех грамматических отношений, которые она способна выражать.

* * *

Перечисленные исходные положения представляются непротиворечивыми и достаточными для контрастивного анализа морфологических категорий русского и болгарского языков.

Вряд ли было бы правильным утверждать, что категория одушевленности – неодушевленности, например, могла бы представлять большой теоретический интерес при описании русского или же болгарского языка в отдельности. Но при сопоставлении их можно выявить ряд существенных расхождений. Понятия *одушевленность* – *неодушевленность* в своем противопоставлении и единстве представляют в русском языке морфологическую категорию. Как отмечает Е. В. Клобуков, в русском языке „а) имеется противопоставление элементов морфологической формы слова – как парадигматических, ср. *вижу дом*, но *вижу студента*, так и синтагматических, ср. *вижу новый кофе*, но *вижу нового атташе*; б) за этими обязательными формальными оппозициями закреплено противопоставление смыслов: „живые существа“ – „все то, что не является живыми существами и не мыслится как таковые“ (Клобуков 1979: 77).

В болгарском языке одушевленность и неодушевленность тоже существуют как оппозитивные понятия, но здесь нет формальной оппозиции морфологических форм слова. С точки зрения морфологии языковые образования *виждам един стол* и *виждам един преподавател* оформлены абсолютно тождественно. Противопоставление смыслов „живые существа“ и „все то, что не является живыми существами и не мыслится как таковые“ не находит поддержки в формальных оппозициях. Поэтому его следует рассматривать как явление лексико-семантического плана и категорию одушевленности – неодушевленности корректнее было бы отнести к категориям лексико-семантического уровня. Некоторые сомнения могут вызвать все еще употребляющиеся иногда устаревшие образования типа *чакам г-на Симеонова* и *подарявам книгата на Ивана Петрова* параллельно с образованиями *чакам г-н Симеонов* и *подаря-*

вам книгата на Иван Петров, являющимися несомненно более фреквентными, причем не в последнее время, а с начала двадцатого века (см. об этом подробнее в Димитрова 2003). В современном болгарском литературном языке совершенно определенно отдается предпочтение образованиям второго типа, поскольку они точно маркируют род существительного и пол обозначаемого им лица (ср. *уважавам Валентина Георгиева* и *уважавам Валентин Георгиев*). К тому же финаль *-а* на современном этапе развития болгарского языка вряд ли можно считать показателем одушевленности. Хотя исторически она восходит к винительно-родительному падежу, в настоящее время совпадает полностью с артиклем, присоединяющимся как к существительным одушевленным, так и неодушевленным, ср. *вземи стола* и *познавам сина му*. При использовании устаревшего варианта в области имен собственных образуются омонимические ряды – болгарское предложение *Видях Петрова* в переводе на русский язык может означать ‘Я видел Петрова’ и ‘Я видел Петрову’.

Обратное явление наблюдается при рассмотрении категории определенности – неопределенности (или, согласно терминологии А. Т. Балана, категории положения). В болгарском языке эта категория является морфологически маркированной. Ст. Стоянов считает аналитизм и выражение категории определенности при помощи постпозитивного артикля наиболее яркими морфологическими характеристиками болгарского языка: „Тези две особености на нашия език съставят неговата специфика и национална самобитност“ (Стоянов 1980: 3).

Бесспорно, основным показателем категории определенности в рамках действия болгарского существительного является артикль, ср. *Пак оставихте отворена вратата* и *Тук сигурно има отворена врата – много духа отнякъде*. Налицо противопоставление морфологических форм слова. В русском языке в аналогичных позициях категория определенности – неопределенности имеет пресуппозитивный характер и, следовательно, относится к категориям не просто семантическим, но к категориям смысловой структуры подтекста: *Вы опять оставили дверь открытой!* (и говорящему, и слушающему в одинаковой степени известно, о какой именно двери идет речь); *В косяке, наверное, имеется щель – а то откуда же так дует?* (говорящий лишь предполагает наличие щели, об осведомленности слушающего можно сделать неоднотипные выводы в зависимости от конситуации).

Все обстояло бы очень просто или хотя бы значительно проще, если бы подобными примерами исчерпывались формы выражения качественной детерминации. Но ситуация осложняется тем, что противопоставление способов выражения в русском и болгарском языках представлено в более чистом виде в области определенности. Неопределенность в ряде случаев имеет однотипное выражение в русском и болгарском языках – это либо отсутствие артикля, либо добавление специфических кванторов или квалификаторов (русск. *какой-то, кто-то, который, некоторый, кто-нибудь, кто-либо* и проч.; болг. *някакъв, някой, някой си, един* и проч.). Говоря об однотипном выражении неопределенности, все же нужно сделать некоторые оговорки. Отсутствие артикля в болгарском языке и отсутствие его в русском по сути не однотипные явления. Отсутствующий в болгарском языке артикль – это артикль со знаком минус, т.е. нулевая финаль, которая является членом бинарной оппозиции *+артикль*

// –*артикл*. Отсутствующий в русском языке артикл нельзя считать нулевой финалью. Это не представленная во всей морфологической системе языка морфема. Она не присутствует в языковом сознании носителей русского языка и ее появление практически невозможно ни в какой позиции. Появление же артикла в болгарском языке строго предсказуемо. При анализе русского языкового материала в данной области вопрос о предсказуемости не стоит. Поэтому определенность в болгарском языке можно считать морфологической категорией. Она обладает двумя существенными и достаточными признаками морфологической категории – связью с морфологической формой слова и предиктабельностью. В русском же языке этих признаков нет и не может быть. Следовательно, определенность в рамках русских существительных следует вынести за рамки морфологических категорий.

По-другому обстоит дело с неопределенностью. Неопределенность связана в болгарском языке в ряде случаев с позиционным отсутствием артикла. Его отсутствие в русском языке, как видно из предыдущего изложения, не является позиционным, а абсолютным. Но выражение неопределенности в болгарском языке не исчерпывается только морфологической формой слова. Оно выходит из области морфологии и входит в рамки синтагматики слова, т.е. его особенности сочетаться с другими словами, напр. *Един човек ми каза*. В русском языке наблюдается аналогичное поведение неопределенных отрезков высказываний: *Какой-то человек сказал мне...* Таким образом, грамматическое значение здесь выражается вне слова – в предложении. Грамматическая форма имеет членимый характер.

Эти и подобные им наблюдения наводят на мысль о том, что в семантическом плане существует единая категория определенности – неопределенности, имеющая бинарную структуру. Это утверждение действительно как в отношении русского, так и в отношении болгарского языка. Но только болгарский языковой материал дает основания считать эту категорию морфологической. Русский языковой материал не предлагает необходимых и достаточных условий для такого вывода.

При выражении неопределенности в тождественных речевых условиях русский и болгарский языки могут использовать различные морфологические средства. В одной и той же функции могут выступать болгарские неопределенные артикли (или кванторы с семой „неопределенность“) и русские неопределенные наречия, ср. болг. *Една нощ нещо зашумя под прозореца* и русск. *Как-то ночью что-то зашумело под окном*. Это явление транспозиции (в других терминологических системах метатеза, гипостазис), сущность которого сводится к функциональному соответствию нетождественных морфологических единиц. Изучение этого аспекта выражения неопределенности имеет, в частности, чрезвычайно важное значение для теории и практики перевода.

Довольно часто имя существительное, наделенное формально только признаком определенности или неопределенности, в болгарском языке в семантическом отношении является более емким. Эта большая семантическая емкость доказывается адекватным переводом на русский язык, требующим вербального выражения семы „генерализация“ или целого ряда элементов одобрения/неодобрения (в высказываниях с оттенком модальности). Ср.:

Болгарский язык

Хората грешат – затова са хора (формальный признак определенности).

Човек може да сбърка (формальный признак неопределенности).

Един студент не може така да пропуса занятия (формальный признак неопределенности).

Русский язык

Все люди ошибаются – на то они и люди (сема „генерализация“).

Каждый человек может ошибиться (сема „генерализация“).

Настоящий (хороший) студент не может так пропускать занятия (элемент одобрения, модальный оттенок пожелания, возможности).

Общеизвестна мысль Б. Л. Уорфа, что иностранный язык может послужить зеркалом по отношению к родному языку. Здесь мы сталкиваемся с иллюстрацией этой мысли. Иностранный язык – в данном случае русский – показывает, что наличие формальных признаков морфологической категории определенности – неопределенности может нейтрализоваться. Этим и объясняется наличие в современном болгарском языке дублетных конструкций, которые во многих речевых ситуациях можно считать абсолютно синонимичными, ср.: *Човек всичко може – само да поиска* и *Човекът всичко може – само да поиска*.

Факт наличия дублетных конструкций имеет как синтаксический, так и морфологический аспект. Но и в том, и в другом случае он является одним из сложных проявлений взаимосвязи между формой и содержанием в языке. Здесь было бы уместно вспомнить общепринятое в философии мнение, что допущение полного совпадения формы проявления и сущности вещей сделало бы автоматически излишней всякую науку. В приложении к языку эта мысль затрагивает вопрос о соотношении между содержательной структурой предложения и его окончательным фонетическим выходом, принимающим форму линейной последовательности морфологических единиц, связанных синтагматическими отношениями. Многие лингвисты склонны рассматривать окончательный фонетический выход предложения как явление постсемантического плана. К ним относится, например, Уоллис Чейф. Анализируя три предложения: *Дорога расширилась*, *Дорога стала шире* и *Дорога сделалась шире*, У. Чейф отмечает, что относительно этих предложений возможны два взгляда: „Согласно одному из них, во всех трех предложениях присутствует одна единственная семантическая структура. Тогда поверхностные различия могут быть объяснены, если мы допустим возможность определенных факультативных трансформаций. (...) Другая возможная точка зрения состоит в том, что присутствуют три различные семантические структуры. Крайним проявлением этой точки зрения можно считать мысль о том, что различные поверхностные структуры всегда отражают различные семантические структуры, что такого явления, как полная синонимия или полная парафраза, нет и не может быть никогда. Более умеренный взгляд состоит в том, что различные поверхностные структуры отражают идентичные семантические структуры гораздо реже, чем это принято думать, но что в принципе такое положение не исключено. (...) Естественно, такая точка зрения обязывает объяснить, в чем состоят различия, поскольку, безусловно, значения (...) очень сходны“ (Чейф 1975: 168–169).

Дублетные конструкции существуют во всех языках, являясь одним из проявлений избыточности в них. Но они количественно и качественно не совпадают, поскольку находятся в прямой зависимости от репертуара языковых средств, точнее – от той части этого репертуара, которая включает принципы построения предложений и структурно-семантическое поведение морфологических единиц. Так например, русскому языку вовсе не свойственно появление добавочных (или вторичных) семантических функций артикля, столь характерное для болгарского языка. В болгарском языке взаимозаменяемы предложения типа *Тя напълно разбра глупостта на положението* и *Тя напълно разбра цялата глупост на положението*. Вторичная семантическая функция болгарского определенного артикля связана с наличием в нем семы „полнота события, явления“. В русском языке в предложениях этого типа носителем упомянутой семы является другой морфологический разряд слов – имя прилагательное, в том числе и прилагательные местоименного происхождения. Поэтому при переводе на русский язык указанные выше взаимозаменяемые болгарские предложения следовало бы представить в виде следующего (одного!) предложения: *Она полностью поняла всю глупость положения*.

Все рассмотренные до сих пор случаи связаны с выражением качественной детерминации в русском и болгарском языках. Но, как известно, детерминация имеет и другой аспект – количественный. В нем ярко выступает оппозиция целостности и частичности (партитивности).

Выражение целостности в русском, как и в болгарском языке, с точки зрения морфологии не вызывает особого интереса. Обычно целостность получает определенное морфологическое оформление в случаях, когда ее носителем является слово, играющее в предложении роль прямого объекта. ср. болг. *Ти сам си изяде хляба* и аналогичное по значению русск. *Ты сам подрезал себе крылья*. Прямой объект в болгарском предложении оформлен с артиклем, в русском он стоит в винительном падеже без предлога. Это стандартизованные морфолого-синтаксические модели, хорошо описанные во многих грамматиках и известные всем, кто в удовлетворительной степени владеет русским и болгарским языками. Морфологически значительно более интересной является партитивность. В русском языке она строго маркирована родительным падежом, причем для ряда слов мужского рода при помощи специализированного окончания *-у* (*сахару, чаю*), которое, правда, в современном языке все больше превращается в дублет стандартной универсальной флексии *-а*. При этом следует отметить, что партитивность может быть выражена одним словом (*поел хлеба*), но может также выходить за рамки одного слова и получать выражение при помощи более или менее устойчивых словесных комплексов с кванторами (*килограмм сахару, чашка чаю, понюшка табаку*).

В болгарском языке партитивность обычно выходит за рамки одного слова. Она выражается при помощи комплексов слов типа *парче хляб, чаша вода, глътка вино, глътка чист въздух* и проч. Без квантора, в отличие от русских конструкций, болгарская основная форма слова в единственном числе партитивности сама по себе выражать не может. Наиболее фреквентным болгарским квантором является лексема с качествами дискурсивного слова *малко*, которая появляется в очень широком семантическом диапазоне. Так например, в предложении *Той купи малко тухли да довърши вътрешната стена*

на *къщата* квантор *малко* имеет не только партитивное, но и ограничительное значение – действительно мало (т.е. не столько, сколько нужно для постройки целого дома или даже одной стены). Но в предложении *Ела, хапни си малко баничка* тот же самый квантор поддерживает семантическую программу предложения, построенную на принципе вежливости. Здесь прежде всего подчеркивается желание угостить, пригласить, оказать любезность. Значение партитивности все равно присутствует, но всего лишь как предположительное – по всей вероятности гость не съест всего пирога. Количественность в данном случае вовсе не является существенной характеристикой формы. Другими словами, сема „партитивность“ может считаться здесь присутствующей, но не релевантной. Релевантность семы „партитивность“ в целом ряде случаев и в русском, и в болгарском языке получает поддержку со стороны глагола. Это явление на примере русского языкового материала (в сопоставлении с французским) было очень точно и тонко рассмотрено В. Г. Гаком: „В русском языке выражение количественной неопределенности не ограничивается одним именем, но может затрагивать связанный с ним глагол. Некоторые глагольные видовые префиксы (*на-, пона-, на...ся*) выражают количественную характеристику действия, степень охвата им объекта, в частности количественную неопределенность и множественность объектов. Глаголы с такими префиксами требуют обязательно родительного падежа, выражающего количественную неопределенность. (...) *Он наелся конфет, он накупил книг*“ (Гак 1977: 124).

В болгарском языке сема „партитивность“ тоже поддерживается рядом глаголов: *взема/вземам, дам/давам, хапна/хапвам, купя/купувам* и др. Это довольно аморфная тематическая группа, обладающая значениями, связанными с получением или приобретением чего-то, с передачей его другому лицу, с потреблением и т.д. Затруднительно было бы найти какие-нибудь формальные морфологические признаки этой группы. Ее единство удерживается в семантическом плане, да и то на базе сложных комплексов семантических множителей. Ср. два предложения из диалога:

Русский вариант

– *Поди купи хлеба.*

– *А что, в магазин уже завезли хлеб?*

Болгарский вариант

– *Иди да купиш хляб.*

– *Сигурен ли си, че са докарали хляб в магазина?*

Этот пример показывает, что и в русском языке группа глаголов, связанная с выражением партитивности, не исчерпывается теми глаголами, префиксы которых были перечислены в исследовании В. Г. Гака. Но дело в том, что в русском языке, помимо трудно поддающихся типологическому описанию глаголов, выражающих партитивность, существует и группа с более или менее характерными морфологическими признаками, служащими маркерами партитивности. Такой группы в болгарском языке, по-видимому, нет. Поэтому партитивность в рамках одного слова отличается только одним морфологическим признаком – отсутствием артикля и только этим противопоставляется тотальности, которая в большинстве случаев маркируется артиклем.

Для болгарского языка очень характерна ситуативная нейтрализация партитивности (и, соответственно, тотальности). Эта нейтрализация может быть связана с осознанием частичного как единственного и достаточного количества в данной ситуации. Поэтому нормой для болгарского языкового общения являются диалоги следующего типа:

– *Какво носиш?*

– *Купих си хляб.* (Сема „партитивность“ маркирована отсутствием артикля.)

– *Е, щом си купил хляба, другото е лесно.* (Форма *хляба* связана с представлением о нужном для данного случая предмете в определенном количестве. Нейтрализация партитивности маркируется появлением артикля.)

Подобная нейтрализация имеет место и в общении на русском языке, да и вообще на любом языке, в котором слово является глобальной лексической единицей. Для русского языкового общения тоже не редкость диалоги подобного типа:

– *Что это у тебя в сумке?*

– *Хлеба купил.* (Сема „партитивность“ маркирована родительным падежом.)

– *Ну раз хлеб купил, можно уже и за стол садиться.* (Нейтрализация партитивности маркирована винительным падежом прямого объекта.)

Таким образом, качественной разницы между русским и болгарским оформлением нейтрализации нет – и в том, и в другом языке наблюдается оппозиция морфологических средств в рамках слова (+артикл // –артикл для болгарского языка и винительный // родительный для русского языка). Что же касается частотности явления нейтрализации, то по предварительным наблюдениям она представляется более частотной в болгарском языке. Это показывает, что сема „партитивность“ и ее противопоставление семе „целостность“ более релевантны для русского языкового сознания. Релевантность семы „партитивность“ поддерживает падежную оппозицию в рамках прямого объекта в русском языке. Ее довольно частая ситуативная нерелевантность для болгарского языкового сознания ослабляет оппозицию +артикл // –артикл. Так, наряду с приведенным выше диалогом может существовать и такой:

– *Какво носиш?*

– *Купих си хляб.* (Сема „партитивность“ маркирована отсутствием артикля.)

– *Е, щом си купил хляб, другото е лесно.*

Последнее предложение можно толковать по-разному. Первое толкование связано с признанием сохранения маркера партитивности и, следовательно, с признанием релевантности семы „партитивность“. Второе толкование связано с признанием нейтрализации партитивности независимо от сохранения маркера. Более адекватным представляется второе толкование. Его признание означало бы признание своеобразного морфологического синкретизма формальных показателей частичности и целостности в болгарском языке. Признание такого синкретизма является убеждением автора. И если тут говорится об этом несколько робко, то это объясняется тем, что, по меткому замечанию У. Л. Чейфа, мы не знаем, что делается в головах людей, когда они говорят: „Описание любого языка невозможно без учета того, что делается „в головах людей“. Поскольку мы не можем заглянуть непосредственно в головы людей, мы можем только на основе косвенных данных строить догадки о том, что там происходит“ (Чейф 1975: 47).

В нашем случае необходимо строить догадки о том, происходит ли нейтрализация партитивности в сознании говорящего в каждой конкретной речевой ситуации. Косвенные данные, на которых строятся догадки, это, во-первых, внимательное прослеживание развития диалога в дальнейшем (если он продолжается); во-вторых, „опрос“ участников диалога в подходящей форме и в подходящий с психологической точки зрения момент; в-третьих, интроспекция. Интроспекция никогда не может быть источником абсолютно объективных данных – в ней переплетаются реальные лингвистические факты и предварительные профессиональные знания лингвиста, которые в данном случае могут быть и помехой. Но, с другой стороны, интроспекция пока является единственным доступным методом наблюдения лингвистических фактов в неограниченном объеме и без ограничений во времени.

Как показывают все рассмотренные примеры, поведение морфологических категорий возможно проследить только в рамках предложения или текста, в крайнем случае в рамках парцеллятов предложений (но не предложений, имеющих все признаки контекстуального включения!). Такой подход может считаться уже утвержденным в современной лингвистике, но, поскольку он противоречит некоторым принципам традиционной обработки морфологического материала, его все же следует оговорить и подтвердить ссылкой на других авторов. По мнению В. А. Звегинцева, отношения единиц в ряду одного уровня не обладают автономностью. Сам характер этих отношений (оппозиций) устанавливается с точки зрения вышележащего уровня, так как они служат его функциональным потребностям. Таким образом, единицы каждого уровня стоят на пересечении двоякого рода: отношений между единицами в пределах одного уровня (синтагматических отношений) и отношений функционального характера, существующих между единицами нижележащего и вышележащего уровней (парадигматических отношений). Эти отношения „горизонтальной“ и „вертикальной“ осей можно также представлять как отношения средства и цели, поскольку единицы нижележащего уровня представляют набор средств, служащих цели создания единиц вышележащего уровня. Из всего этого следует, что не может существовать лингвистических единиц вне синтагматических и парадигматических отношений, которые в силу этого оказываются взаимосвязанными. Взаимосвязь этих отношений находит свое выражение в том бесспорном положении, что выделение лингвистических единиц в плоскости лишь одного уровня категорически невозможно, и если иногда и практикуется, то неизбежно носит совершенно произвольный характер или, по меньшей мере, не укладывается в теорию иерархии лингвистических уровней (Звегинцев 1976: 48).

Без выхода в предложение или текст было бы не только трудно, но невозможно охарактеризовать элементы посессивности в частях речи в русском и болгарском языках. Прежде всего возникает вопрос: можно ли считать посессивность морфологической категорией?

В большинстве исследований посессивность относится только к семантическим категориям. Исходя из этой традиции, Л. И. Лухт пишет: „Взаимосвязь семантических категорий бытия, обладания и пространственной локализации отмечается исследователями самых разных языков и приводит авторов (и читателей) к идее о возможности рассматривать это явление как один из элементов системы языковых универсалий (Лайонз, Филлмор, Боади, Кристи). В индоев-

ропейских языках, особенно в романских и германских, система семантических моделей, связанных с выражением бытийности, посессивности, действительно содержит много общего. Наборы форм выражения упомянутых семантических категорий нередко сходны по своим структурам: включают эквивалентные глаголы в эквивалентных моделях" (Лухт 1977: 125).

Такое понимание посессивности в какой-то мере определяет характер большинства исследований, связанных с ее изучением на разных лингвистических уровнях. Исследование посессивности в русском и болгарском языках в отрыве от категорий бытия и пространственной локализации наводят на мысль, что есть основания рассматривать ее и в качестве морфологической категории. Как известно, русские притяжательные прилагательные имеют особую парадигму склонения, близкую к парадигме склонения существительных и несущую на себе отпечатки древних нечленных форм. Думается, что изучение посессивности на морфологическом уровне следует ограничить так называемыми посессивами (притяжательными прилагательными и местоимениями) и не затрагивать вопроса о посессивных конструкциях, организующим ядром которых являются глаголы обладания. Дело вовсе не в том, что изучение этих глаголов не имеет морфологической значимости, а в том, что они не имеют никаких морфологических маркеров семы „принадлежность“. Морфолого-синтаксическое поведение глагола *иметь* ничем не отличается от морфолого-синтаксического поведения любого транзитивного глагола, несмотря на то, что по известному замечанию Э. Бенвениста, он является глаголом псевдотранзитивным (см. гл. XVII. *Глаголы „быть“ и „иметь“ и их функции в языке* – в Бенвенист 1974). Что касается притяжательных прилагательных, то, как было отмечено, их морфологическая парадигма находится в прямой зависимости от наличия суффиксов со значением принадлежности. Притяжательные местоимения ведут себя по-разному в русском и болгарском языках, когда выступают в роли определенного слова при лексемах со значением неотчуждаемой принадлежности. В русском языке там они обычно не употребляются, в болгарском же их употребление нормировано и необходимо (ср. русск. *Открой глаза* и болг. *Отвори си очите*). Позиция появления той или иной части речи, если она фиксирована строго по схеме **да** (+) // **нет** (–), представляет собой не только синтаксический, но и морфологический признак. Следовательно, значение принадлежности имеет и морфологический аспект. Если тут и возможен спор, то он будет сводиться только к вопросу о том, можно ли говорить о морфологической категории принадлежности, или же следует искать только морфологические проявления чисто семантической категории. Но ведь не существует такой морфологической категории, которая бы не имела семантических характеристик. Кроме того, уже принято говорить под одним и тем же названием о некоторых семантических и морфологических категориях, например о семантической категории множественности и о морфологической категории множественности. По-видимому, следует признать, что принадлежность получает также статус как семантической, так и морфологической категории. Причем, что очень показательно, и в русском, и в болгарском языке ее семантический характер проявляется более ярко в рамках глаголов обладания, а морфологический характер – в рамках посессивов.

Среди морфологических категорий особое место занимает категория модальности. Ее особенность сводится к тому, что она связана с реализацией це-

левой установки речи, но далеко не все элементы целевой установки (напр., утверждение, отрицание) базируются на принципе модальности. Это было отмечено Г. А. Золотовой (см. Золотова 1962; критический обзор современного состояния учения о модальности см. в Панфилов 1971 – после выхода этой работы положение мало изменилось; см. также Цюрбеев 1981, и др.). В дальнейшем изложении будут рассмотрены только некоторые типы модальности. Первые три типа выделены Г. Ц. Цюрбеевым (Цюрбеев 1981), четвертый же рассматривается самостоятельно, а не как разновидность первого.

1) Логико-грамматическая модальность. Рассмотрение этого типа модальности нашло интересную интерпретацию у Г. Ц. Цюрбеева (Цюрбеев 1981). Им показана дифференциация предложений по значению и форме и образование парадигматического ряда предложений: *Отец пришел – Отец, вероятно, пришел – Отец, может быть, пришел – Отец, кажется, пришел*. Анализируя этот ряд в калмыцком языке и его перевод на русский, автор приходит к выводу, что: „значения степени достоверности содержания предложений, за исключением простой достоверности, выражаемой формой изъявительного наклонения глагола (первое предложение), передаются аналитическим способом: сочетанием модальных слов с изъявительной формой глагола (все остальные предложения)“ (Цюрбеев 1981).

Аналогичную картину показывает и болгарский языковой материал: *Баща ми е дошъл – Баща ми вероятно е дошъл – Може би баща ми е дошъл – Струва ми се, че баща ми е дошъл – Баща ми, разбира се, е дошъл*. Подобные парадигматические ряды предложений с указанием на оценку говорящим степени достоверности сообщения, переданным аналитическим способом, можно проследить во многих языках и в первую очередь в языках средневропейского стандарта. Следовательно, их наличие можно считать явлением, близким к языковым универсалиям, или относящимся к ним. Для решения вопроса, близко ли это явление к языковым универсалиям или бесспорно к ним относится, нужна апробация на материале большого количества языков, на что автор не претендует. Это во-первых. А во-вторых, такое стандартизованное аналитическое выражение модальности в рамках предложения (а не глагольного слова!) ставит перед исследователями вопрос о том, насколько правомерно считать модальность только морфологической категорией. По-видимому, модальность, рассматриваемая только как морфологическая категория, как в русском, так и в болгарском языке фактически совпадает с категорией наклонения. Но модальность имеет и синтаксический аспект, связанный с отношением сообщаемого в высказывании к действительности; модальность имеет и прагматический аспект, связанный с отношением говорящего к содержательной стороне высказывания. Эти аспекты можно проследить и в

2) Объективной модальности необходимости совершения // несовершения действия. Как в русском, так и в болгарском языке она выражается аналитически при помощи глаголов в сочетании с модальными словами, имеющими значение долженствования: ср. русск. *Вам предстоит (надо) ехать – Вы должны (обязаны) ехать* и болг. *Предстои ви (трябва, дължни сте) да заминете*.

3) Модальность действительности, как в русском, так и в болгарском языке выражается аналитически по однотипной модели „изъявительное наклонение + слова и словосочетания, представляющие синонимический ряд“ (русс.

на самом деле, действительно, безусловно, бесспорно, что ни говори и т.д.; болг. *наистина*, *безспорно*, *без съмнение*, *безусловно*, *каквото и да говорим* и т.н.). Ср. русск. *Она на самом деле (действительно,...) очень молода* и болг. *Тя наистина (без съмнение,...) е много млада*. Этот третий тип модальности отличается от второго семантически, но не структурно и, следовательно, реализуется в обоих языках на синтаксическом уровне.

4) Так называемую проблематическую модальность следует выделить особо. Она связана с выражением определенных сомнений в отношении достоверности сообщения и с семантической точки зрения ее, может быть, и можно было бы рассматривать как модальность достоверности со знаком минус. Но такое рассмотрение не представляется целесообразным, так как оно исключает детальное рассмотрение морфологической сущности этого вида модальности, да и семантически, пожалуй, тут была бы допущена неточность. Проблематическая модальность содержит сему „сомнение“, а не бесспорное и недвусмысленное отрицание достоверности сообщения. Причем степени сомнения в русском и болгарском языках образуют различные парадигматические ряды. Так, болгарским предложениям *Щял да заmine* и *Щял бил да заmine*, в которых степень сомнения разная (выше во втором), могут иметь однотипный русский эквивалент *Вроде бы (будто бы) он уедет (собирается уехать)*. В русском эквиваленте можно выбирать стилистические варианты лексического наполнения, но нельзя передать точную градацию сомнения, как в болгарских предложениях. Модель выражения проблематической модальности в русском и болгарском языках не совпадает. Единственным общим моментом здесь является анализ конструкций. Но болгарские аналитические конструкции в данном случае состоят только из комбинации глагольных форм, в то время как русские аналитические конструкции, отражающие те же самые содержательные структуры, составлены из глагольных форм и модальных частиц. Таким образом, в этой микрообласти аналитизм русского языка выше, чем аналитизм болгарского. Вопрос о степенях аналитизма не рассматривается в известной автору литературе. Но представляется, что для более точного типологического сопоставления языков важна не только констатация аналитизма в той или иной области, но и выяснение его характера. Так, аналитические конструкции проблематической модальности в болгарском языке удерживают ее в рамках морфологических категорий и привязывают ее к категории времени (так образуются болгарские пересказывательные времена). Характер этой же модальности в русском языке коренным образом отличается – она получает выражение не в рамках глагольного времени, а только в предложении в целом. Таким образом ее синтаксическая сущность более ярко выступает и является более релевантной.

В русском и в болгарском языках есть морфологические категории, которые трудно можно было бы признать логичными с точки зрения нашего современного миропонимания. Нетрудно догадаться, что первое место в их ряду занимает категория рода. Находясь на более ранних стадиях истории языков определенную логическую мотивацию, категория рода теперь в большой степени стала элементом того, что принято называть языковой техникой. И если языковеды в начале двадцатого века больше обращали внимание на тот факт, что категория рода как бы все время напоминает *memento sexus!* (Бодуэн де Куртенэ 1900: 369), то языковеды более поздней поры занялись вопросом о

том, оказывает ли категория рода влияние на семантическую судьбу слова (Виноградов 1947: 63).

Русский и болгарский языковой материал дает в принципе одинаковый ответ на этот вопрос. Словообразовательные модели русского и болгарского языков не охватывают всех слов мужского рода, от которых по логике вещей можно было бы образовать адекватные слова женского рода. К ним в обоих языках относятся прежде всего названия людей по профессии (русск. и болг. *доктор* и вовсе не адекватные ему образования русск. *докторша*, болг. *докторка*, *докторица* и *докторша* 'супруга доктора'). Таким образом, и в русском, и в болгарском языках категория рода может иметь не только словоизменительную, но и словообразовательную функцию. Вопрос о словообразовательной ценности той или иной модели редко рассматривается в сопоставительном плане. Чаще всего изучается поведение отдельных морфем (как правило суффиксов и префиксов). И если в принципе такой подход не может считаться единственно правильным, то в интересующей нас области, по-видимому, пока приходится ограничиваться его рамками. Дело в том, что различия между исследуемыми языками в этой области имеют по преимуществу количественный характер. Поэтому вопрос о категории рода в сопоставительном изучении русской и болгарской морфологических систем большого теоретического интереса не представляет. Он сводится к уточнению списков слов и имеет преимущественно прикладное значение.

Здесь, однако, возникает другой вопрос: о перспективах сохранения категории рода в обоих языках. Относительно русского языка этот вопрос был поставлен давно. Л. П. Якубинский проследил судьбу категории рода в древнерусском языке и предложил свой ответ на сформулированный выше вопрос: „Первоначально система склонения и деклинационные группы, составлявшие ее костяк, не имели никакого отношения к категории рода. Но в дальнейшем дело меняется: категория рода тесно сплетается с типами склонения. (...) Мы видим также, как неправы те, кто считает, что в истории русского языка категория рода сходит на нет. Она, действительно, теряет свое первоначальное содержание, но, сплетаясь с исчезающей системой деклинационных групп, она как бы переоформляет ее, конструируя этим самым современную систему склонения, формируя современные типы склонения“ (Якубинский 1953: 168–169).

В историческом плане судьбы категории рода и склонений в русском и болгарском языках, как известно, расходятся. По свидетельству Кирилла Мирчева (Мирчев 1978: 160), XII – XIV века являются важнейшей эпохой, ознаменовавшейся решительным поворотом болгарского языка от синтетизма к аналитизму: „По-надеждните паметници, по които можем да съдим за състоянието на именните форми в българския език, напр. влахо-българските грамоти, произхождат от по-късно време. Данните, които намираме в тези грамоти, са много ценни, тъй като ни помагат да видим, че българският език през XV в. е бил достигнал вече до пълен аналитичен строеж, но не могат да ни дадат по-точна представа за пътя, по който е протичал този толкова важен процес в развоја на българския. А процесът въвн от всякакво съмнение е траял доста дълго“ (Мирчев 1978: 161).

Разные исторические судьбы дают основание предположить и разные перспективы. Категория рода в болгарском языке поддерживается принципа-

ми согласования в позициях существительное + прилагательное, существительное + глагол прошедшего времени. Такую же поддержку она имеет и в русском языке. Но там это явление второстепенное по значению. Основную роль играет парадигматика имен существительных. Такой поддержки категория рода в болгарском языке не имеет. Трудно найти доказательства ее нестабильности в современном болгарском языке. Пожалуй, их даже больше в русском. Там имеется больше вариативных форм типа *браслет – браслетка, зал – зала, метод – метода*. Что касается болгарского языка, то можно было бы отметить ничем лингвистически не мотивированный переход немногих слов из одного рода в другой, напр. *проблема > проблем* (при сохранении греческой финали существительных среднего рода на *-ма*, которые в болгарском языке, как и в русском, употребляются в женском роде: *лема, дилема, схема, система* и т.д.). Представляется, что современное состояние как русского, так и болгарского языков не дает возможности прогнозировать судьбы категории рода, в том числе и среднего, независимо от мнения многих исследователей, что он идет на убыль. В обоих языках категория рода, независимо от различной морфологической поддержки и мотивированности, является одной из форм выделительной лимитации в системе имени и имеет выход в систему глагола и имени прилагательного. А глагол и имя прилагательное, наряду с наречием, как известно, в обоих языках относятся к сфере так называемой пропозитивной семантики и, следовательно, в предложении занимают ключевые позиции. Известно также, что ключевая позиция любого слова в предложении содействует стабилизации его морфологических признаков.

* * *

В работе, посвященной уровням описания грамматических значений, А. В. Бондарко выделяет: 1) уровень грамматической системы языка и 2) уровень функционирования словоформ (Бондарко 1981: 40). Разграничение этих двух уровней операционально оправдано и необходимо – без строгой изоляции невозможно точное наблюдение явления. В то же время любому лингвисту предельно ясно, что речь идет здесь именно об операциональном принципе и что проведение границы между этими двумя уровнями является в значительной степени условным. Целевая установка настоящей статьи определила стремление автора оставаться по возможности в рамках уровня грамматической системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974:** Бенвенист, Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. Москва: Издательство иностранной литературы, 1974.
- Бодуэн де Куртенэ 1900:** Бодуэн де Куртенэ, И. А. Лингвистические заметки и афоризмы. – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1900, с. CCCXXXI–CCCXXXIV.
- Бондарко 1981:** Бондарко, А. В. Об уровнях описания грамматических значений. – В: Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Ленинград: Издательство Ленинградского отделения АН СССР, 1981, с. 7–38.
- Виноградов 1938:** Виноградов, В. В. Современный русский язык. Т. 1–2. Москва: Издательство Московского университета, 1938.